

Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе

Л. Э. Сёменова

В статье представлен содержательный анализ двух моделей гендерной социализации – традиционной (патриархатной) и альтернативной (эгалитарной). Дается сопоставление этих моделей с двумя типами культур – культуры полезности и культуры достоинства. Приводятся конкретные данные, подтверждающие факт преобладания в современном российском обществе традиционной модели гендерной социализации.

Ключевые слова: гендерная социализация, традиционная модель, альтернативная модель, гендерные стереотипы, культура полезности, культура достоинства.

Content of Main Models of Gender Socialization in the Modern Society

L. E. Semyonova

The article is devoted to the substantive analysis of two models of gender socialization – traditional (patriarchal) and alternative (egalitarian). The author compares these models with two types of culture – the culture of utility and the culture of dignity. The article contains concrete facts, which confirm predominate traditional model of gender socialization in contemporary Russia.

Key words: gender socialization, traditional model, alternative model, gender stereotype, culture of utility, culture of dignity.

Согласно данным ряда теоретических и эмпирических исследований [7; 9; 11; 13], содержание гендерной социализации в современном обществе можно представить в виде двух противоположных моделей, а именно:

- 1) традиционной (патриархатной) социализации;
- 2) нетрадиционной (альтернативной, эгалитарной) социализации.

Первая модель социализации имеет глубокие исторические корни: она связана с гендерным разделением труда, гендерной поляризацией (дифференциацией) и стратификацией, является продуктом и одновременно средством поддержания (воспроизводства) патриархатной гендерной системы, построенной по принципу асимметричной иерархии, при которой женские статусы и роли маркированы как вторичные, зависимые и менее значимые [5; 6]. Такой тип социализации предполагает инкультурацию и интернализацию основных линз гендера (линза гендерной поляризации, линза андроцентризма, линза биологического эссенциализма) [4] и производных от них традиционных (дифференцированных/поляризованных) гендерных стереотипов, которые задают характер и направленность процессу личностного развития девочек и мальчиков/женщин и мужчин, а также требования половой адекватности индивида, подразумевающие неравенство возможностей лиц женского и мужского пола в плане родительства, профессиональной деятельности, финансовой компетентности, доступа к власти и т. п. [4; 5; 6].

Содержание традиционной гендерной социализации определяет биологический фактор (биологический пол индивида) и эссенциалистское представление о природно обусловленных половых различиях, которым должны соответствовать две разных версии социального развития и жизнедеятельности женщин и мужчин, два разных «жизненных сценария», исходя из чего и осуществляется практика дифференцированных по половому признаку социальных воздействий. При таком подходе индивидуальные особенности личности в лучшем случае отходят на второй план, практически нет места для учёта реального разнообразия жизненных ситуаций, с которыми имеет дело современный человек (будь то женщина или мужчина), и тем самым наблюдается противоречие ведущей мировой тенденции – признанию значимости свободы выбора, переходу от единообразия к многообразию и вариативности.

Обобщая сказанное выше, отметим, что традиционная стратегия гендерной социализации в плане целенаправленных воздействий на личность (практики воспитания) опирается на следующие принципы:

- подчёркивание различий между лицами женского и мужского пола;
- ориентация на их «особое предназначение» и взаимодополнительность их социальных ролей;
- закрепление гендерно стереотипных интересов и предпочтений;
- игнорирование индивидуальности личности и ограничение свободы выбора «не соответ-

ствующих» половой принадлежности ребёнка проявлений.

Традиционная гендерная социализация осуществляется в соответствии с дифференцированными гендерными стереотипами, определяющими характер социальных воздействия в адрес лиц женского и мужского пола, содержание которых транслируется индивиду в ходе этого процесса различными агентами, а будучи усвоенным, задаёт траектории жизненного пути и стандарты образа жизни, становясь своего рода предписанием для исполнения [7; 13].

Гендерные стереотипы включают информацию о гендерных различиях (причём исключительно в пользу мужчин, поскольку приписываемые им качества, способности и функции более позитивны, желательны и социально поощряемы) и определяют статусные позиции женщин и мужчин, закрепляя зависимое положение первых и доминирующее положение вторых, а также приводя к двойным стандартам в оценке. При этом традиционные гендерные стереотипы уже давно не отражают всего реального разнообразия современных женщин и мужчин и, как показывают исследования [7], выступают серьёзным барьером в развитии индивидуальности личности, на пути её самореализации.

Иными словами, будучи компонентом культуры и неотъемлемым атрибутом социальной жизни общества, гендерные стереотипы являются мощным механизмом утверждения гендерно поляризованной и андроцентричной культуры, тогда как на индивидуальном (субъектном) уровне личности они становятся ориентиром социальных ожиданий и нормативными эталонами, с которыми индивид соотносит свои характеристики [7]. Поэтому выстраиваемая на их основе и в соответствии с ними стратегия традиционной гендерной социализации продуцирует гендерные различия и поддерживает гендерное неравенство.

Что касается альтернативной модели гендерной социализации, то её содержание предполагает эгалитарный характер гендерных отношений; равноправное партнёрство полов в семье и публичной сфере; акцент на индивидуальности личности (которая считается выше и важнее её пола), свободе выбора и вариативности поведения, независимо от половой принадлежности индивида; признание равенства различий и права каждого и каждой быть другим/другой, то есть быть собой, начиная с ранних периодов онтогенеза [7; 13]. Появление этой модели исторически связано с постепенным принятием культурой, а впослед-

ствии и наукой, факта множественности индивидуальных различий, не укладывающихся в привычные дихотомические схемы, к числу которых относятся традиционные гендерные стереотипы, включая социальные конструкты маскулинности/феминности.

Альтернативная стратегия гендерной социализации возражает против традиции гендерной дифференциации (поляризации), против линзы андроцентризма и эссенциалистского понимания гендерных различий. Для неё характерна гуманистическая озабоченность тем, что существующая в обществе гендерная дифференциация, предполагающая стратификацию, не даёт возможности женщинам и мужчинам в равной степени и свободным образом в полной мере развивать свой человеческий потенциал, загоняя их в довольно узкие рамки стереотипного гендерного соответствия.

Такого рода социализация созвучна практике личностно-ориентированного (ненасильственного) подхода в образовании и исходит из демократической модели общества, складывающегося из многообразия индивидуальностей, а не унифицированных индивидов, которая, как отмечает К. А. Абульханова-Славская, признаётся в настоящее время более прогрессивной и продуктивной [1]. В этом смысле стратегия альтернативной (нетрадиционной) гендерной социализации можно считать реализующей принципы гуманизма и демократии, которые применительно к целенаправленным социальным воздействиям (воспитательной практике) сводятся к следующему:

- отказ от дифференцированных по половому признаку воспитательных влияний; нейтрализация и смягчение социально обусловленных различий между лицами женского и мужского пола;
- отсутствие ориентации на их «особое предназначение» и признание взаимозаменяемости женских и мужских социальных ролей;
- реализация идей гендерного равенства в разных сферах жизнедеятельности;
- обеспечение каждой личности свободы выбора, поощрение её индивидуальных интересов и предпочтений, к которым пол уже не имеет никакого отношения;
- создание условий для реализации возможности быть разными девочками/женщинами и разными мальчиками/мужчинами.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, логично утверждать, что модель личностного становления и воспитания с позиций альтернативной

гендерной социализации предусматривает коррекцию воспитательных воздействий в направлении индивидуально-ориентированного развития вне жёстких гендерных предписаний и стереотипов, делающих индивида заложником пола и ограничивающих его активность рамками «полоспецифичных» «нужно» и «нельзя», что, в свою очередь, предполагает расширение возможностей выбора как для девочек/женщин, так и для мальчиков/мужчин, а также отход от такого понимания мужественности и женственности, которое не позволяет им проявлять в полной мере все свои человеческие качества. При этом модель является вполне адекватной мировой тенденции к оценке общественного развития с позиций расширения возможностей для самореализации каждого человека и реалиям современной действительности, тем переменам, которые произошли в XX веке в жизни женщин (не только семья, но и профессиональная деятельность), и которые, как полагают гендерные специалисты [6], должны повлечь за собой закономерные перемены в жизни мужчин (не только карьера, но и семья).

Резюмируя сказанное выше, справедливо утверждать, что концепция нетрадиционной гендерной социализации соответствует эгалитарному мировоззрению, предполагающему составление мнения о людях с учетом их индивидуальных особенностей, а не приписанных групповых (стереотипных) характеристик. Заметим, что в

качестве цели и итогового продукта альтернативной модели гендерной социализации эгалитарное мировоззрение предполагает наличие трёх важных компонентов [13], а именно:

1) гендерная компетентность (знания о разнообразии гендерных стандартов, способность актуализировать альтернативные патриархатной культуре схемы и идеалы);

2) гендерная сензитивность (чувствительность к дискриминации, идентификация признаков сексизма);

3) гендерная толерантность (уважение прав индивидуальности каждой личности).

Если попытаться сопоставить описанные выше модели социализации с существующими в современной гуманитарной науке типологиями культур, то их общую концепцию можно соотнести, на наш взгляд, с двумя разновидностями культур:

– культурой полезности (традиционная (патриархатная) гендерная социализация);

– культурой достоинства (нетрадиционная (альтернативная, эгалитарная) гендерная социализация).

Опираясь на материалы работы А. Г. Асмолова [2], кратко изложим основные параметры этих культур, позволяющие провести определённую аналогию с некоторыми содержательными аспектами традиционной и альтернативной стратегий гендерной социализации личности (см. таблицу).

Таблица

Основные характеристики культур (по А. Г. Асмолову)

Культура полезности	Культура достоинства
Образ общества и его идеология	
Авторитарное (тоталитарное). Нетерпимость к «иному», неравенство различий, экстремизм (как крайняя форма), антагонизм разнообразия, идеология конфликта	Гражданское, демократическое, открытое. Толерантный образ жизни как социальное обеспечение согласия и доверия непохожих и разных людей; реализация принципа «разные, но равные», уважение права другого человека быть собой (быть другим); направленность на достижение социальной и личной безопасности, поиск кооперации и взаимопомощи
Ценностные установки культуры	
Выживание, равновесие, адаптация, эксплуатация	Развитие, поиск, ориентация на индивидуальность, свобода личности
Образовательная парадигма	
Унитарная обезличенная бихевиористская модель образования, предполагающая усвоение знаний, умений и навыков	Модель вариативного развивающего мотивационно-смыслового образования, предполагающая превращение образования в «институт социализации индивидуальности», «социальный институт поиска индивидуальных траекторий развития человека»
Цели образования	
Конформизм, адаптация к типовым ситуациям, узкая специализация	Обеспечение решения проблем в широком круге неопределённых ситуаций, саморазвитие личности как условие достижения разнообразия популяции, увеличение её мобильности в эволюционном процессе

Культура полезности	Культура достоинства
Среда развития	
Стационарный мир; мир как набор шаблонов	Изменяющийся коммуникативный мир
Способы достижения	
Набор стандартных программ поведения; ритуалы и стереотипы; использование схем прошлого опыта, существующих вариантов решения задач	Преобразование мира, порождение новых целей и задач; инновация
Эффект для культуры	
Сохранение культуры в условиях стационарного мира; её простое воспроизводство	Расширение возможностей развития общества и личности
Прогноз в ситуации кризиса	
Деградация культуры; высокая вероятность инволюции в критических ситуациях	Повышение конкурентоспособности общества и личности в критических ситуациях; рост разнообразия культур

Кроме того, заметим, что, характеризуя общественное сознание, А. Г. Асмолов пишет практически о том же, о чём и гендерные теоретики, а именно: о негативной тенденции нахождения культуры в тисках ценностей борьбы, завоевания, покорения, подчинения, соперничества, риска, силы и др., маркированных в гендерных исследованиях как «мужские», которые считались и по-прежнему считаются важнее сострадания, сотрудничества, оказания помощи, заботы и всего того, что в гендерной теории определяется как традиционно «женские» ценности. Их общая озабоченность вызвана той угрозой человечеству, которую представляет подобного рода идеология («парадигма конфликта» – в трактовке А. Г. Асмолова; «мужская» культура или линза андроцентризма – в терминологии гендерного подхода) и необходимостью перехода к «парадигме толерантности» и признанию значимости для общественного развития ценностей «женской» культуры [2; 4].

Делая вывод, мы можем говорить о том, что содержание и стратегия традиционной гендерной социализации во многом соответствуют контексту культуры полезности и направлены на поддержание андроцентризма, тогда как альтернативная гендерная социализация соотносится с культурой достоинства и стремится к отказу от андроцентризма.

Отметим, что согласно полученным на сегодняшний день данным в нашей стране имеют место обе модели социализации, о чём, в частности, свидетельствует наличие у современных россиян двух гендерных картин мира – традиционно-патриархальной и эгалитарной, альтернативной, однако первая из них значительно преобладает [9]. Иными словами, несмотря на своё существенное расхождение с реальной действительностью и противоречие активно провозглашаемому в нашем обществе ценностям гуманизма и демократии, в подавляющем большинстве слу-

чаев личностное развитие девочек и мальчиков/женщин и мужчин по-прежнему осуществляется по устаревшей и дискриминационной модели традиционной гендерной социализации. Подтверждением тому могут служить следующие факты:

- распространённость в общественном сознании патриархальных идеалов, которые количественно превосходят эгалитарные установки даже у жителей крупных городов, таких, к примеру, как Санкт-Петербург [9];

- отсутствие практик партнёрских отношений между женщинами и мужчинами на уровне межгруппового взаимодействия и, напротив, распространённость феномена гендерной сегрегации в общении при высокой степени ориентации российских женщин и мужчин, в отличие от многих европейцев, на представителей своего пола [7];

- присутствие в процессе консультирования по социальным вопросам дискриминационных гендерных установок, определяющих содержание социальной работы, которые не осознаются ни самими консультантами, ни их клиентами [8];

- преобладание у педагогов средней школы и воспитательниц дошкольных учреждений традиционных гендерных представлений и стереотипных взглядов относительно своих учащихся и воспитанников, а также роли и места в обществе женщин и мужчин [10; 13];

- изобилие гендерно стереотипных образов и сексистского содержания в учебной и художественной литературе для детей [3; 12; 13];

- наличие в образе мира наших соотечественников, как женщин, так и мужчин, ярко выраженных элементов традиционного гендерного сознания, среди которых дифференцированный характер восприятия мира и себя в нём: у женщин описание мира в контексте сотрудничества, заботы, взаимопомощи, поддержки и при этом ощущение собственной беспомощности, признания отсутствия у себя компетентности; у мужчин

описание мира через соперничество, конкуренцию, борьбу, соревнование, восприятие его как нестабильного, агрессивного, враждебного и вместе с тем признание наличия своей реальной и потенциальной успешности, активной жизненной позиции, самостоятельности и стремления к саморазвитию [11];

– отражение в жизненных планах и ценностях современных юношей и девушек неравных возможностей для самореализации, что проявляется в преобладании ориентации юношей на личное благополучие, получение удовольствий и более неограниченный и не обременённый ответственностью стиль жизни и, напротив, в принятии девушками перспектив единоличной ответственности за благополучие окружающих и ограничений в реализации собственных потребностей и интересов [13] и т. п.

Таким образом, как убеждает нас предпринятый анализ существующих исследований, в настоящее время в российском обществе ещё по-прежнему сильны дискриминационные (сексистские) установки и практики социального взаимодействия женщин и мужчин, вступающие в определённый диссонанс с принципами гуманизма и демократии, на которые пытается ориентироваться постсоветская Россия.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Асмолов, А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности [Текст] / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 3–12.
3. Барчунова, Т. В. Сексизм в букваре [Текст] / Т. В. Барчунова // Эко. – 1995. – № 3. – С. 34–43.
4. Бем, С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов [Текст] / С. Бем; перевод с англ. Д. Викторовой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОММПЭН), 2004. – 336 с.
5. Воронина, О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований [Текст] / О. А. Воронина // Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – С. 13–108.
6. Киммел, М. Гендерное общество [Текст] / М. Киммел; перевод с англ. О. А. Оберемко, И. Н. Тартаковской. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОММПЭН), 2006. – 464 с.
7. Клёцина, И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика [Текст] / И. С. Клёцина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
8. Куприянова, И. С. Конструирование гендерной нормы в современном российском обществе [Текст] : дис. ... канд. социол. наук : 22. 00. 06 : защищена 10. 12. 04 : утв. 24. 04. 05 / Куприянова Ирина Сергеевна. – Саратов, 2004. – 234 с.
9. Нечаева, Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания [Текст] / Н. А. Нечаева // Гендерные тетради / отв. ред. А. А. Клёцин. – Выпуск первый. – СПб.: ЦНСИ, 1997. – С. 17–44.
10. Отвечалина, О. Б. Особенности гендерных представлений воспитательниц дошкольных образовательных учреждений [Текст] : дис. ... канд. психол. наук : 19. 00. 07 : защищена 12. 04. 05 : утв. 18. 10. 05 / Отвечалина Ольга Борисовна. – М., 2005. – 214 с.
11. Правник, Д. Ю. Гендерная вариативность образа мира личности [Текст] : дис. ... канд. психол. наук : 19. 00. 01 : защищена 12. 11. 07 : утв. 20. 04. 08 / Правник Дмитрий Юрьевич. – Хабаровск, 2007. – 221 с.
12. Пушкарёва, Н. Л. Сексизм в литературе для детей и пути его преодоления [Текст] / Н. Л. Пушкарёва // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / отв. ред. Л. В. Штылева. – Часть 1. – Мурманск: ОУ КРЦДОиРЖ, 2001. – С. 49–65.
13. Штылева, Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ [Текст] / Л. В. Штылева. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 316 с.